

СЛОВО

на пассію, при воспоминаніи страстей
Господнихъ.

*Спите прочее и почивайте; се приблизися часъ, и Сынъ
человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Востаните, идемъ:
се приблизися предаяи Мя (Матѣ. XXVI, 45. 46).*

Мы повторили слова Господа и Спасителя нашего, сказанныя Имъ въ послѣднія минуты Его учительскаго служенія къ избраннѣйшимъ изъ своихъ учениковъ. Мудрая любовь Божія мягкимъ выраженіемъ укора судила заключить всѣ разнообразныя бесѣды, какія дѣлилъ съ народомъ и учениками божественный Учитель во дни своей земной жизни. Еще произносилъ Спаситель тѣ слова, какими мы открыли свою бесѣду съ вами, какъ приблизился къ Нему предатель съ вооруженными слугами архіерейскими,—и не стало слышно въ Іудеѣ живаго божественнаго голоса, изливавшаго въ сердца людей столько сладкихъ утѣшеній и дорогихъ наставленій, долго напрасно искомыхъ напряженною мыслию человѣка.

Какая же бѣдная природа человѣческая, что, и въ лицѣ достойнѣйшихъ представителей своихъ, не могла вызвать у божественной любви болѣе ласкающаго слова въ часъ разлуки съ нею! «Вы все еще спите и почиваете: вотъ приблизился часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ».

Вамъ, братіе, извѣстенъ и памятенъ случай, по какому сказаны слова эти. Господь Іисусъ Христосъ, отягченный грѣхами и проклятіями всего рода человѣческаго, воспринятыми Его любовію, готовился быть очистительною жертвою за нихъ, и видѣлъ предъ Собою чашу гнѣва Божія, полную скорбей и страданій. Тяжкія, превосходящія обыкновенное терпѣніе, мученія давили Его душу, и Онъ, какъ Сынъ человѣческій, видѣлъ себя оставленнымъ любовію Отца. Въ невыразимой тугѣ сердечной Онъ въ молитвѣ ищетъ облегченія бореніямъ Своего духа, и капли кроваваго пота, каплюція съ лица Его, показываютъ, какъ сильна и напряженна была эта молитва. Къ молитвенному подвигу, который прежде любилъ совершать Спаситель одинъ въ отдаленіи отъ людей, Онъ приглашаетъ теперь тѣхъ, въ комъ нашелъ наиболѣе чистымъ человѣческое достоинство, и на комъ покоились надежды малаго стада Христова. Ему дорого теперь участіе любви человѣческой, и сочувствіемъ самихъ спасаемыхъ Онъ хочетъ обратить къ Себѣ милосердное лице Отца небеснаго, отвратившееся отъ воспринятыхъ Имъ на Себя грѣховъ. Но что же?... Нѣтъ желаннаго отклика въ представителяхъ рода человѣческаго; вмѣсто того предъ взоромъ Спасителя открывается немощъ природы нашей во всей ея поразительной широтѣ. Доблестные ученики Господа, всегда послушные велѣніямъ своего Учителя, уступаютъ слабости плоти въ тотъ часъ, когда призываются къ посильному подвигу духа, и спятъ безмятежнымъ сномъ, когда пламенная молитва Спасителя колеблетъ небесныя ангельскіе міры, и когда цѣлыя сонмы ангеловъ нисходятъ съ неба на землю для укрѣпленія Богочеловѣка, страдающаго за родъ человѣческій. Текутъ великія знаменательныя минуты; надъ головами скопляются и висятъ грозныя тучи бѣдъ; близится рѣшеніе судьбы всего человѣчества; поставленъ вопросъ о его жизни и смерти....

Но не прозрѣваетъ величія и тяжести времени темный глазъ человѣческій, не предчувствуетъ бѣды человѣческое сердце, не раздѣляетъ скорби своего Спасителя душа, о которой Онъ болитъ и страдаетъ, Неразъ прерываетъ молитву Спаситель, чтобы пробудить отъ усыпленія не устоявшихъ въ подвигѣ учениковъ Своихъ: призывъ божественной любви отгоняетъ отъ нихъ тяжелую дремоту, но лишь на самое краткое мгновеніе. Замираетъ звукъ словъ возбужденія, и снова дремота овладѣваетъ утомленными ученикамъ,—снова предъ очами Спасителя картина немощи человѣческой. Окончивши молитву, Господь Иисусъ Христосъ идетъ предать Себя въ руки враговъ, и поднять за людей страданія и смерть, и въ это время, подступивъ къ спящимъ ученикамъ, произноситъ дышущее любовію, но полное упрека слово: *спите прочее и почивайте: се приближися часъ, и Сынъ человѣческій предается въ руки грѣшниковъ. Встаните, идемъ: се приближися предади Мя.*

Это событіе, о которомъ мы рассказали, не исключительный случай въ жизни человѣческой. Знаменательность минутъ, на которыя оно падаетъ, важность лицъ, въ немъ участвовавшихъ, и широкій смыслъ слова Христова, всегда частнымъ замѣчаніемъ охватывающаго цѣлую область явленій,—все это заставляетъ насъ выдти своею мыслию изъ тѣсныхъ предѣловъ частнаго случая, и въ одномъ личномъ образѣ видѣть картину цѣлаго рода человѣческаго, въ разныя времена его жизни.

Мы оставимъ священную память тѣхъ лицъ, которыя вызвали у Господа назиданіе для цѣлыхъ родовъ и поколѣній, и отъ избранныхъ представителей нашихъ предъ любовію Христовою спустимся мыслию къ простымъ обыкновеннымъ людямъ.

Мы раскрываемъ бытописанія царствъ и народовъ, и на самыхъ знаменательныхъ страницахъ встрѣчаемъ груст-

ныя повѣствованія о томъ, какъ мало люди примѣчали дни посѣщенія Господня, и какъ они предавались безпечности, когда надъ ними собиралась гроза. Припомните дни Ноевы: раздастся проповѣдь праведнаго о покаяніи среди рода, погруженнаго въ чувственность, но никто не слышитъ ея, никто не обращаетъ вниманія на тѣ предостереженія и угрозы, какими по повелѣнію Божію сопровождается она. Приговоръ суда Божія уже произнесенъ, а люди ѣдятъ и пьютъ, женятся и посягаютъ, и не приходятъ въ себя до тѣхъ поръ, пока не явилась вода и не погубила всѣхъ. Не такъ ли было и во дни Лота, когда огненный дождь спалъ съ неба на нечестивые города содомскіе и истребилъ все, не только людей и жилища ихъ, но и самую землю, которую они осквернили своими грѣхами? Не такъ ли было во дни Даніила въ Вавилонѣ, когда среди роскошнаго царскаго пира невидимая рука написала на стѣнѣ пиршественной горницы слово гибели Балтасару и его царству? Не такъ ли было и во дни самаго Спасителя, когда книжники и законники іудейскіе, приставленные стражами дома Божія, просмотрѣли спасеніе Израилево, и отвергли Того, Кого недостойнъ весь міръ? Не такъ ли будетъ и во второе пришествіе Сына человѣческаго? Придетъ Господь въ день и часъ, въ какой не ждутъ Его,—и много ли тогда будетъ рабовъ бдящихъ? Много ли дѣвъ мудрыхъ, и сколько дѣвъ роудивыхъ?

Но зачѣмъ намъ вспоминать старыя времена и представлять будущее, часъ явленія котораго сокрытъ въ тайнѣ Божіей? Взглянемъ лучше вокругъ себя! Не касается ли и насъ укоризна, когда проносится предъ нами это евангельское слово: *спите прочее и почивайте.... возстаните, идемъ?* Не ходимъ ли мы во свѣтѣ, какъ во тьмѣ, и не тяжелѣютъ ли глаза наши, когда время ждетъ отъ насъ возможной внимательности и настоятельно зоветъ къ напряженной дѣятель-

пости? Не дремлютъ ли силы наши, когда предъ нами открывается широкій просторъ, зовущій къ себѣ на работу живаго человѣка?

Мы задали вопросъ вашей совѣсти, и боимся, какъ бы увлеченіе самолюбія не заставило ее отрицаніемъ отвѣтить на этотъ вопросъ. У насъ вошло въ привычку хвалить свою современность, и кстати и не кстати гордиться тѣмъ, что мы живемъ нынѣ, а не раньше, во дни отцовъ и дѣдовъ нашихъ.. Въ наше время (слышимъ мы со всѣхъ сторонъ) какая жизнь кругомъ! Какое быстрое порывистое движеніе вперед! Сколько въ немъ благихъ предначинаній, какимъ порадовались бы поколѣнія, сошедшія въ могилу, если бы только хоть на мигновение могли видѣть ихъ! Какія необычайныя и плодотворныя изобрѣтенія, измѣняющія тяжелыя условія прежней жизни! Все это и не снилось старымъ мудрецамъ. Съ какою безоглядною поспѣшностію мчится время, полное желаній! Замыслы, предпріятія, виды, формы и явленія мелькаютъ въ глазахъ: вы не успѣваете сосредоточить свое вниманіе на одномъ предпріятіи или явленіи, какъ отъ васъ ускользаетъ уже другое, и выдвигается на видъ третье. Пораженный наблюдатель въ обольщеніи; шумъ отъ быстро движущагося времени ошеломляетъ слухъ его, и онъ въ самодовольномъ упоеніи, накидывая покрывало на боязливую совѣсть, почти безъ яснаго сознанія повергается въ общій ускоренный водоворотъ, увлекающій собою лица и народы, желанія, надежды и дѣла.

Мы не скажемъ, что наше поколѣніе праздно стоитъ на стражѣ исторіи. Пусть умножаются и преуспѣваютъ великія изобрѣтенія, облегчающія черныи трудъ человѣка и доставляющія бѣдшія удобства его жизни. Пусть благословенныя будутъ тѣ измѣненія гражданскаго общественнаго строя, какія предпріемлются въ видахъ обезпеченія личнаго блага каждаго человѣка и болѣе спокойнаго развитія общества. Но,

величая эти знаменательные залогов будущаго совершенства, мы должны подумать: все ли въ нихъ есть, чего только ищетъ и требуетъ природа человѣческая? Замыкають ли они собою кругъ желаній, раждающихся въ душѣ нашей? Опытъ говорить намъ, что чѣмъ больше у человѣка увлеченія и обольщеній успѣхами одного рода дѣятельности, тѣмъ возможное для него забвеніе другихъ обязанностей, другаго рода дѣятельности. И если эти пренебрегаемыя обязанности—обязанности вѣры и спасенія, то служителю церковнаго слова предстоитъ долгъ чаще и чаще напоминать людямъ объ опасныхъ опущеніяхъ.

Человѣка называютъ малымъ міромъ; въ немъ, въ его существѣ—повтореніе цѣлой вселенной. Отъ глины, которая изъ рукъ Творца вышла въ такомъ прекрасномъ видѣ, какъ тѣло человѣка, и до духа Божія, вдунутаго въ лице его и служащаго знаменіемъ его божественнаго величія, отъ земли до неба,—цѣлая бездна разстоянія. Вы видите здѣсь широкую необозримую лѣствицу силъ, потребностей и стремленій: каждая единица въ человѣческомъ родѣ въ одно и тоже время—и червь и духъ небесный. Что же?.. Вездѣ ли, на всѣхъ ли стадіяхъ этого міра замѣчается движущаяся и шумная жизнь, поражающая наблюдателя современности? Не говорите *да*; потому что все это безпокойное движеніе, какое въ насъ и насъ окружаетъ, какъ оно ни обольстительно, не выходитъ изъ узкаго круга низшихъ потребностей человѣка. Сложите всю совокупность самыхъ замѣтныхъ заботъ и стремленій нашихъ: надъ всѣми ими написано одно слово, и это слово указываетъ на плоть, ея вопіющія нужды или нажитыя прихоти. Обратитесь въ одну сторону,—вамъ слышится оттуда хриплый назойливый голосъ нужды: «мы бѣжимъ отъ бѣдности, мы ищемъ хлѣба насущнаго и для этого трудимся въ потѣ лица своего».. Посмотрите въ другую сторону,—тамъ надъ трудомъ человѣка написано иное, но сходственное

по смыслу, слово: «мы ищемъ удобствъ жизни, ищемъ безобиднаго положенія въ свѣтѣ, и личной безопасности, мы собираемъ богатство, чтобы обезпечить себя и дѣтей своихъ». Обратите глаза еще въ третью сторону, гдѣ всѣ удобства предъ человѣкомъ, и гдѣ отъ самаго рожденія стоитъ предъ нимъ и честь и даровая чаша изобилія,—и тамъ хлопоты, безпокойные хлопоты о поддержаніи и украшеніи тѣла, объ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ,—хлопоты, не меньшіе тѣхъ, какіе другіе прилагаютъ къ снисканію хлѣба насущнаго.. Все это вызываетъ наша тѣлесная природа, именно та глина, которая, какъ ни прекрасна, но все же предназначена для смерти и могилы. И у животныхъ дѣйствуютъ тѣ потребности самосохраненія, какія занимаютъ всѣ силы наши. Но какъ много выше ихъ человѣкъ по своей природѣ! И насколько дальше должны простираться его желанія! Правда, въ нашемъ кругу дѣйствуетъ умъ,—эта небесная искра, украшающая наше бытіе, невѣдомая низшему насъ міру. Но эта небесная искра не поднимаетъ насъ на высоту богоподобія, для которой созданъ духъ нашъ; напротивъ мы оземлили ее и заставили ее служить всецѣло нуждамъ и прихотямъ нашей плоти. Умъ нашъ весь обремененъ заботами объ изобрѣтеніи средствъ къ украшенію храмины нашего тѣла, къ удовлетворенію большихъ и малыхъ нуждъ его. И надъ этимъ ли однимъ трудится онъ? Его заставляютъ еще выдумывать и усовершенствовать орудія истребленія рода человѣческаго!.. При всѣхъ успѣхахъ въ этой области мы—только сильнѣйшія изъ живыхъ существъ, привязанныхъ къ землѣ,—чувствуемъ силу рвать цѣпи, налагаемыя на насъ нашею брѣнностію, но не возвышаемся надъ тѣмъ положеніемъ, къ какому приучило насъ давнее рабство.

Слово Божіе и церковъ изъ этого дольняго міра возводятъ нашу мысль на высоты человѣческаго призванія,—туда,

гдѣ живетъ онъ съ своею душою, ищущею Бога и не полагающею конца своихъ желаній въ прекрасномъ нарядѣ, роскошномъ столѣ, въ удобномъ и быстромъ переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое. Что дѣлается тамъ, гдѣ ждетъ насъ благодать, гдѣ царитъ совѣсть, не прощающая человѣку ни одного преступнаго не только дѣянія, но и помысла, гдѣ стоитъ грозная мысль о судѣ и мздовоздаяніи, и гдѣ слышится голосъ желаній, незаглушимыхъ утѣхами утопченнаго міра и зовущихъ человѣка къ подвигу для очищенія себя предъ Богомъ, для воспитанія и укрѣпленія разслабленнаго духа нашего? Мы не видимъ, чтобы наше время много помышляло о томъ, изъ-за чего страдалъ и умеръ Сылъ Божій. Грѣхъ для многихъ изъ насъ устарѣвшее понятіе, значенія котораго не сознають даже руководители вѣка. Были годы—и эти годы отмѣчены въ лѣтописяхъ церковныхъ самыми свѣтлыми чертами—были годы, когда на временную жизнь смотрѣли какъ на поприще борьбы съ врагами нашего спасенія,—когда изъ-за побѣднаго вѣнца въ этой борьбѣ напрягали всѣ силы, жертвовали всѣми прелестями міра, даже самую жизнь, и молили о благодатной помощи, если чувствовали изнеможеніе. А мы... мы и не знаемъ, что это за борьба, и готовы добровольно и безъ сопротивленія предать позорному плѣну душу, —драгоценнѣйшее сокровище, данное намъ Богомъ. Тотъ строитъ и украшаетъ свое жилище, другой заботится объ одеждахъ и нарядахъ, третій перебираетъ разныя кушанья и питія. Что изъ всего этого для духа нашего,—для той части нашего существа, которая не разсыплется въ могилѣ и перейдетъ за предѣлы времени и пространства? Если человѣкъ великое существо, не однородное съ тѣми животными, которыя намъ служатъ, то гдѣ развитіе божественныхъ задатковъ небесной жизни? Въ церкви? Но, возлюбленный братъ, всегда ли охотно выслушиваешь ты голосъ церкви, дорожишь ли ея

руководствомъ, и ея каждодневный благовѣсть будить ли твою душу, засыпающую въ роскошной суетѣ житейской? Если бы ты имѣлъ очи видѣть, ты замѣтилъ бы, съ какою болью материнское сердце ея слѣдитъ за тобою, когда ты разсѣянно забавляешься на распутіяхъ міра, и какъ кротко и нѣжно она зоветъ тебя, зоветъ постоянно, но зоветъ напрасно,—обратиться къ ней, и вспомнить объ Отцѣ небесномъ, о страданіяхъ Его Сына, о своей смерти и о своемъ назначеніи. Она молить тебя вспомнить объ этомъ, потому что по жизни твоей не видитъ, чтобы ты помнилъ ея уроки и завѣты.

Мы не слышимъ Бога, когда является Онъ къ намъ во гласѣ хлада тонка. Явится къ намъ Богъ въ громахъ и буряхъ,—раздастся Его возбудительный голосъ и отразится въ нашей жизни страшнымъ несчастіемъ, войною, голодомъ, морвою язвою,—мы встрепенемся, вспомнимъ слово спасенія, проповѣданное намъ Господомъ, вспомнимъ свою голодную и изнеможенную душу: тогда мы и каемся, и молимся, и усерднѣе помогаемъ меньшей братіи своей, и налагаемъ на себя разные благочестивые обѣты. Но пропала гроза,—сонъ опять смыкаетъ наши вѣжды, и мы спимъ подъ шумъ уличной молвы людской или гоняемся за призраками и предаемъ свою душу на жертву заботамъ дня, не знающимъ другой цѣли, кромѣ удовлетворенія нашей немощной плоти.

Когда посмотришь на привычную жизнь и дѣятельность человѣка, со всею поразительною очевидностію предстаетъ предъ сознаніе истина глубокаго его паденія. Во образъ Божій Богъ сотворилъ человѣка, далъ ему душу, обращенную къ небу, и поставилъ его выше всей земли, чтобы онъ не забывалъ своего назначенія. А его взоръ всецѣло устремленъ долу; его желанія погрязаютъ въ тинѣ, прахѣ и мимолетныхъ явленіяхъ жизни. Не красивый образъ для сознанія, умѣющаго

понимать все величіе человѣка! Часто въ знойное лѣто вы видите въ воздухѣ кучи насѣкомыхъ: безпрестанно кружатся и сплываютъ, въ тѣсномъ какъ бы отмѣренномъ для нихъ углу безбрежнаго пространства, эти миріады существъ, минутами измѣряющихъ свое существованіе. Васъ поражаетъ жизнь, но въ тоже время мелочь и пустота жизни. Когда кончается эта жизнь, что она оставляетъ по себѣ? Въ глухомъ жужжаніи ея вы не находите смысла и цѣли безпокойныхъ движеній. Не тоже ли движеніе насѣкомыхъ представляетъ собою суетливая дѣятельность человѣка предъ взоромъ небснаго Существа, предъ взоромъ вѣчнаго Судіи? Наши дни и годы предъ Нимъ еще меньше, чѣмъ для насъ минуты насѣкомыхъ; наши заботы, привязанныя къ землѣ и плоти,—тѣже мелкія движенія ихъ, оставляющія по себѣ впечатлѣніе суеты и ничтожества. Много шуму и безпокойнаго жужжанія производимъ мы, пока тянется день нашъ; но когда кончится онъ, тогда съ чѣмъ мы явимся по ту сторону гроба?—Встань же, человѣкъ, во всемъ величіи своего образа, подними съ земли свои желанія, и не жди какого либо чрезвычайнаго призыва на дѣло свое! Призывъ постоянный раздается предъ тобою. Онъ есть въ душѣ твоей, не удовлетворяющейся никакими удобствами внѣшней тѣлесной жизни. Онъ есть въ обстоятельствахъ жизни твоей, которыми распоряжается рука, указующая тебѣ путь твой. Онъ есть въ церкви, заботящейся о тебѣ, будящей тебя отъ нравственнаго усыпленія, и постоянно напоминающей тебѣ о концѣ твоёмъ, о той дѣятельности, какая тебя достойна. Итакъ *встань! что спиши? Конецъ приближается и имай смутиться.*

Но въ одномъ ли дѣлѣ вѣчнаго спасенія мы безъ отговорокъ должны принять на себя всю силу укоризны слова Христова? Нѣтъ ли и въ области обыкновенныхъ житейскихъ отношеній явленій, вызывающихъ слово укора и требующихъ

возбужденія? Мы не хотѣли бы говорить объ этомъ: съ этой священной кафедры церкви заповѣдуетъ первѣе всего говорить объ устроеніи царства благодати. Но иногда на слово проповѣдника невольно напрашиваются сближенія между естественнымъ и благодатнымъ. И въ настоящемъ случаѣ, когда мы измѣряемъ широту и силу слова Христова: *спите прочее и почивайте.. востаните, идемъ*, мы видимъ, какъ далеко простираются стрѣлы этого слова и въ область гражданской жизни, за предѣлы круга, подлежащаго прямому попеченію церкви.—На широкихъ распутіяхъ ея встрѣчаются самыя разнообразныя картины: часто, когда на мелочныхъ рынкахъ шумъ, говоръ и толкотня, въ другихъ болѣе важныхъ мѣстахъ мертвая тишина и бездѣйствіе.

Наше имя—имя великаго и могучаго народа. Память нашей исторіи хранитъ славныя дѣла, требовавшія для своего совершенія необычайнаго напряженія силы, хранитъ великія страданія, которыя могли бы подавить менѣе крѣпкую народность. И мы хотимъ вѣрить, что въ планѣ божественнаго міроуправленія намъ предуказаны великія судьбы, и что намъ по преимуществу должна принадлежать исторія будущаго. Но эта вѣра не должна убаюкивать насъ. Только трудящійся дѣлатель достоинъ мзды своей. А многіе изъ насъ этой мзды ждутъ даромъ, надѣясь на особенное благоволеніе къ намъ небеснаго Промыслителя. Но древній Израиль былъ ближе къ любви Божіей, чѣмъ какой либо другой народъ; между тѣмъ, чуть онъ забывался, его постигали казни Божіи, за которыми послѣдовало его окончательное отверженіе. Русскій народъ неразъ показывалъ себя исполнителемъ, побѣждающимъ многочисленныя враждебныя силы, способнымъ приносить на алтарь отечества самыя тяжелыя жертвы,—но когда? Когда исторія своими необычайными потрясеніями будила его равнодушіе и безпечность. Въ безпечности обличаютъ насъ съ

давнихъ поръ не духовные только, но и свѣтскіе руководи-
тели народа; безпечность эту иные готовы называть почти
прирожденнымъ порокомъ нашимъ. Пусть люди, знакомые съ
письменностію, припомнятъ, кого выводятъ и представляетъ
наша повѣсть,—эта всенародная общественная исповѣдь. Она
выводитъ людей силы и таланта, увядающихъ прежде своего
разцвѣта, чувствующихъ усталость при самомъ началѣ жиз-
ненного поприща, и изъ пылкой порывистой юности прямо
переходящихъ въ преждевременное оцѣпенѣніе и бездѣятель-
ность.—Присмотритесь къ ходу жизни нашей въ ея высшихъ
духовныхъ отправленіяхъ. Путь ея изрытъ порывистыми на-
чинаніями, но не углаженъ трудомъ ровнымъ и постояннымъ.
Мы владѣемъ силами, способными къ крайнему напряженію,
но не нажили себѣ терпѣнія и усидчивости въ трудовомъ
дѣлѣ, необходимыхъ для его успѣха. У насъ, напримѣръ,
зовутъ къ себѣ дѣятелей еще мало воздѣланныя поля науки
и искусства. Многіе начинаютъ являться на зовъ этотъ. Но
многіе ли могутъ похвалиться постоянствомъ, устойчивостію,
аккуратностію и выдержанностію въ работѣ? Когда вы смот-
рите на юность, собирающуюся въ жизненную дорогу, вась
радуется молодая рьяная энергія. Но что станетъ съ этою
энергіею послѣ, когда она подвергнется гнету опыта и испы-
таетъ жесткость работы, не вдругъ награждающей успѣхомъ
труженика? О, если бы она горѣла хотя тихо, но ровно,
постоянно и безостановочно! Тогда скорѣе и надежнѣе мы
приближались бы къ тому высокому мѣсту, какое исторія
предуказываетъ намъ, нашей мысли и нашему слову. Аминь.

В. Пивникий.